

RU

## Репрезентация харизматического типа личности в мемуарах и художественно-документальной русской литературе начала XX в.

Галяс И. А., Руденко Ж. А.

**Аннотация.** Цель – на основе исследования художественно-документальных произведений бывшего иеромонаха Илиодора (С. Труфанов), князя Ф. Ф. Юсупова, мемуариста П. Ковалевского, публициста И. Ковыль-Бобыля и писателя в жанре документальной прозы К. Паустовского выявить психологические приемы и языковые маркеры, используемые прозаиками для воссоздания литературных портретов двух харизматических личностей в России – Григория Распутина («великий старец», «святой черт») и Владимира Ульянова-Ленина (вождь мирового пролетариата), чья жизнь и влияние на судьбу Отчества имели роковые последствия. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в процессе литературно-исторического анализа мемуаров и русскоязычных художественно-документальных текстов начала XX в. реконструируются и сравниваются литературные портреты харизматических личностей в России Г. Распутина и В. Ленина, выявляются психологические приемы и языковые маркеры, используемые прозаиками для характеристики их общих и особенных качеств. В результате было установлено, что в литературной галерее портретов исторических деятелей начала XX в. Г. Распутин и В. Ульянов-Ленин являются самыми колоритными харизматическими личностями, жизнь и судьба которых в чем-то похожи. Они оба являются носителями идеологий: религии и марксистско-ленинского учения, оба пытались построить общество «светлого будущего», что привело и их, и общество к роковым для России последствиям. Портрет Распутина дан его современниками в динамике, эволюционно, а портрет Ленина представлен К. Паустовским мозаично, фрагментарно с манифестированием его ярких харизматических качеств.

EN

## Representation of the charismatic personality type in memoirs and artistic and documentary Russian literature of the early 20th century

I. A. Galyas, Z. A. Rudenko

**Abstract.** The aim is to identify, based on a study of the artistic and documentary works of the former hieromonk Iliodor (S. Trufanov), Prince F. F. Yusupov, memoirist P. Kovalevsky, publicist I. Kovyl-Bobyl, and writer in the genre of documentary prose K. Paustovsky, the psychological techniques and linguistic markers used by prose writers to recreate literary portraits of two charismatic figures in Russia – Grigory Rasputin ("the great elder", "holy devil") and Vladimir Ulyanov-Lenin (leader of the world proletariat), whose life and influence on the fate of the Fatherland had fatal consequences. The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first time, in the process of literary and historical analysis of memoirs and Russian-language artistic and documentary texts of the early 20th century, literary portraits of charismatic figures in Russia G. Rasputin and V. Lenin are reconstructed and compared, and psychological techniques and linguistic markers used by prose writers to characterize their common and special qualities are identified. As a result, it was established that in the literary gallery of portraits of historical figures of the early 20th century, G. Rasputin and V. Ulyanov-Lenin are the most colorful charismatic personalities, whose lives and destinies are somewhat similar. They are both carriers of ideologies: religion and Marxist-Leninist teachings, both tried to build a society of "bright future", which led both them and the society to fatal consequences for Russia. The portrait of Rasputin is given by his contemporaries in dynamics, evolutionarily, and the portrait of Lenin is presented by K. Paustovsky in a mosaic manner, fragmentarily with the manifestation of his bright charismatic qualities.

### Введение

Актуальность данного исследования обусловлена междисциплинарным характером освещаемых в работе проблем. Прежде всего статья актуальна в литературоведческом отношении: в конце XX – начале XXI в.

заметен небывалый интерес к документально-художественному жанру литературы как «литературы факта» и литературному портрету как документально-биографическому повествованию, позволяющим современникам переосмыслить эпохальные события и процессы в российском обществе начала XX в. Очевидно, что русское культурное пространство характеризуется определенной национальной спецификой в плане восприятия и привлекательности литературного образа харизматического героя и его отражения в произведениях художественно-документальной русской литературы как в начале XX в., так и в начале XXI в. По-прежнему вызывает неподдельный интерес писатель, мыслящий себя не только художником, ставящим эстетические задачи и рассматривающим вечные нравственные проблемы «добра» и «зла», но и являющимся свидетелем эпохальных исторических событий. Статья актуальна с точки зрения исторического лингвистического анализа языка авторов документальных текстов, который проявляется в особенностях их лексики и стилистики. Особый интерес в современной истории и философии вызывают социально-философские проблемы определения места и роли личности как субъективного фактора и движущей силы истории.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, охарактеризовать художественно-психологические приемы, позволяющие иеромонаху Илиодору, князю Ф. Ф. Юсупову, мемуаристу П. Ковалевскому и публицисту И. Ковыль-Бобылю воссоздать «внешний» и «внутренний» портрет «великого старца» Г. Распутина, показать связь между ними и отразить ее в художественно-образных языковых средствах, продемонстрировав при этом особые природные качества и способности харизматического типа личности «святого черта»; во-вторых, проанализировать отдельные тексты произведений К. Паустовского: «Сырой февраль», «Мятеж», «Водоворот», «Зал с фонтаном» и показать роль лексических художественных средств, используемых К. Паустовским в процессе репрезентации харизматического типа личностей Григория Распутина и Владимира Ленина, передачи авторского оценочного нравственного отношения писателя к указанным персонажам; в-третьих, выявить общие случайные совпадения в жизни и смерти незаурядных исторических личностей, наделенных харизмой, – Г. Распутина и В. Ленина, оценить их деятельность с позиций нравственно-философского осмысления места и роли личности в истории.

Методологию исследования составили: метод дискурсивного анализа текста, который обращен к лексико-семантическому аспекту в совокупности с экстралингвистическими факторами; культурно-исторический метод, который позволяет выявить связи художественного текста с историческим временем его создания (начало XX в.) и оценить деятельность харизматических личностей Распутина и Ленина как субъектов исторического процесса; сравнительно-сопоставительный метод позволяет выявить общие и различные социальные качества, присущие харизматическому типу личности (Распутин и Ленин), реконструированные писателями в мемуарах и художественно-документальной русской литературе начала XX в.

Материалами исследования явились мемуары и художественно-документальные произведения русских писателей конца XIX – начала XX в.:

- Вебер М. Типы господства // Социологические исследования. 1988. № 5.
- Житие блудного старца Гришки Распутина: сборник / сост. и подгот. текстов С. П. Истратовой. М.: Товарищество «Возрождение», 1991.
- Зиммель Г. Религия. Социально-психологический этюд / пер. с нем. М. Бердоносова, О. Лямбек; под ред. С. А. Котляревского. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1909.
- Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 4.
- Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина: воспоминания, мемуары: в 2 кн. / пер. с фр. М.: Эксмо, 2007. Кн. 1. До изгнания. 1887-1919. Кн. 2. В изгнании.

В качестве справочного материала были привлечены следующие словарные источники:

- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь. Современная версия. М.: ЭКСМО, 2014.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: РИПОЛ классик, 2006. Т. 4. Р – Я.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Изд-е 4-е, доп. М.: Азбуковник, 1998.

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных авторов, изучающих проблемы методологии и классификации литературного портрета, сущность портрета как художественного средства и стороны литературного образа. Так, в частности, О. Б. Кунавин и И. И. Кунавина (2017) исследуют средства портретной характеристики, служащие раскрытию действий персонажей, в которых живописность тесно переплетается с психологическим анализом, запечатлевающим многоплановость и сложность облика героев. А. Ф. Измайлов (2022) акцентирует внимание на своеобразии литературного исторического портретирования К. Г. Паустовским великой эпохи XX в. и определяет специфику творческого метода писателя в процессе проникновения в сущность характера человека и цели его деятельности. И. Н. Литвин (2007) анализирует портретные описания персонажей К. Паустовского и выявляет средства и приемы, используемые прозаиком для индивидуализации личности героя и определения его социального статуса. М. В. Михайлова (2005) устанавливает разнообразие диапазона художественных средств, используемых К. Паустовским для воссоздания атмосферы прошлого и раскрытия характеров людей, встреченных им в жизни. А. В. Трофимова (2008) обращает внимание на отдельные портретные штрихи в модели восприятия личности харизматического героя в конкретном социокультурном пространстве. Для объяснения природы харизмы в концепции М. Вебера авторы статьи обратились к исследованиям Л. М. Кибардиной (2008) и Е. Б. Петрушихиной (2024), которые рассматривают современное состояние и перспективы развития харизмы с позиций аксиологии и психологии.

Дополнительным источником для обзора концепций феномена харизмы стало исследование Н. П. Романовой (2011), акцентирующей внимание на личностных характеристиках лидера и его востребованности в условиях социального и духовного кризиса общества. Ряд фундаментальных исследований зарубежных авторов Кэтрин Дж. Кляйн, Роберт Дж. Хаус (Klein, House, 1995), Ж. Антонакис, Н. Бастардос, П. Жакарт, Б. Шамир (Antonakis, Bastardos, Jacquart et al., 2016) посвящены анализу основных концепций харизмы в области психологии, выявлению механизма и проявления данного феномена в современном политическом процессе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы в вузах гуманитарного профиля при изучении историко-литературных курсов по проблемам анализа документально-художественного жанра литературы как «литературы факта» и литературного портрета как документально-биографического повествования. Полученные данные могут найти применение в учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий по «Истории русской литературы XX в.», а также междисциплинарных курсов, нацеленных на интеграцию филологии с другими отраслями гуманитарного знания, такими как философия, искусствоведение, культурология.

### Обсуждение и результаты

В истории отечественной и зарубежной литературы образы харизматичных личностей часто привлекали внимание прозаиков, поэтов и драматургов. В разные исторические эпохи проблема социокультурного восприятия читателем личности за счет его «харизмы» получала свое яркое активно-личностное и конкретно-историческое воплощение.

Интерес читателя к образу харизматической личности в литературе не иссякает и сегодня. «Люди исключительно восприимчивы к притяжению харизматических личностей. Влияние образа героя, реального или спроецированного, дает ощущение правильности жизненного выбора и сопричастности к чему-то очень важному и нужному» (Трофимова, 2008, с. 240).

Читательскую аудиторию по-прежнему привлекает незаурядный герой или антигерой, наделенный уникальными природными индивидуальными и поведенческими особенностями, атрибутами и влияниями или харизмой. Харизма «есть определенное качество индивидуальной личности, на основе которого она оценивается как исключительная, и к ней относятся как к личности, наделенной сверхъестественными, сверхчеловеческими или исключительными возможностями или качествами» (Вебер, 1988, с. 139). Безусловно, примечательна харизматичная личность для читателя и с точки зрения горизонта захватывающего сюжета – увлекательности текста.

Для автора текста – писателя важен процесс реконструкции социально-психологического портрета персонажа как прототипа реальной личности (художественно-документальный жанр, мемуары) или литературного художественно-творчески спроецированного портрета харизматической личности в некоей социокультурной группе (религиозной или политической). В произведениях, где воссоздается личность героя, наделенного харизмой и реализующего себя в конкретном социокультурном пространстве, писателю важно наполнить сюжет через призму восприятия действительности героем-харизматиком, учитывая особенности его национального характера и менталитета, отражая ценности исторического социума и динамику культуры своей страны.

В классической зарубежной литературе к харизматичным героям, созданным фантазией и воображением писателя, можно отнести образы Одиссея (Гомер), Гамлета (У. Шекспир), Оливера Твиста (Ч. Диккенс); Шерлока Холмса (А. К. Дойл), Дон Жуана (Байрон), Фауста (И. В. Гете) и др. Наряду с этими образами в иностранной литературе существует целый ряд литературных персонажей выдающихся харизматичных личностей, портреты которых являются реальными прототипами исторических лиц: Юлий Цезарь (Светоний), Август Октавиан (Вергилий), Карл Великий (А. Дюма, Л. Гарольд); хан Батый (Л. Хартог, Дж. Уэзерфорд); Наполеон Бонапарт (Э. Лепеллетье, А. З. Манфред) и др.

«Русское культурное пространство характеризуется определенной национальной спецификой и в плане восприятия харизматического героя, и в плане того, кого считать героем-харизматиком, какие качества создают ореол харизмы и т. п.» (Трофимова, 2008, с. 242).

В русской классической литературе к личностям, наделенным харизмой как «божественным даром», который люди видят в выдающемся человеке в процессе его жизнедеятельности и воспроизведенном писателями, можно отнести исторические и выдающиеся личности Александра Невского, Петра Первого, Екатерины Великой, А. В. Суворова, П. С. Нахимова, В. Ленина и др.

Важная ипостась всех этих литературных героев – их авторитет, основывающийся на исключительных качествах личности (мудрости, силе, героизме, святости), которыми они обладали, а возможно, и не всегда обладали в реальности в достаточной степени, но которые приписываются им в модели социокультурного восприятия за счет их «харизмы». Главным для читателя – это интерес к личности – героя (героя-лидера), который все понимает и знает, как действовать.

В концепции М. Вебера (1988) и современных научных концепциях лидерства подчеркивается, что потребность в харизматических личностях (лидерах) актуализируется в трудные переходные драматические времена, эпохи крупных революционных изменений. «Харизматический лидер является как бы концентрированным выражением и орудием этих процессов. Харизматический лидер не обязательно должен быть политическим лидером, формально он может являться только духовным вождем» (Романова, 2011, с. 131).

Человек, наделенный харизмой и оказавшийся «волей судьбы» в ситуации социально-духовного кризиса общества следует своему призванию, как планета, движущаяся по своей орбите. «Поэтому он, по определению “антисоциален”, все его дела и слова не подлежат контролю. Он пророк, отделяющий себя от общности. Он зачаровывает, и его действия и слова производят эффект» (Трофимова, 2008, с. 242). С другой стороны: «Лидер должен всерьез верить в собственную миссию, иначе он не сможет убедить в этом потенциальных сторонников... В результате между лидером и его сторонниками устанавливается сильная эмоциональная взаимосвязь, притягивающая новых сторонников. Харизматический лидер не только заряжается психической энергией массы, но и сам заряжает ее своей энергией» (Романова, 2011, с. 130).

Авторы статьи обращаются к сложным историческим событиям (социальным катаклизмам) в России начала XX в. и акцентируют свое внимание на реконструкции в отечественной литературе портретов двух харизматических личностей – Григория Распутина («великий старец», «святой черт», «святой грешник») и Владимира Ульянова-Ленина (вождь мирового пролетариата, лидер рабочего класса, предводитель трудящихся), чья жизнь и влияние на судьбу Отчества имели роковые последствия. Их социально-психологические образы можно реконструировать, проанализировав воспоминания современников событий своего времени, отражающих «зеркало» эпохи – эпохи блеска и пороков дворянского общества и заката русского самодержавия. Воспоминания очевидцев – бывшего иеромонаха Илиодора, князя Ф. Ф. Юсупова, мемуариста П. Ковалевского, публициста И. Ковыль-Бобыля и писателя в жанре документальной прозы К. Паустовского помогают увидеть и удивительную эпоху, и колоритнейшие фигуры харизматических личностей – Г. Распутина и В. Ленина.

«Через их (авторов воспоминаний. – И. Г., Ж. Р.) мысли и поступки показана связь человека и эпохи, так как мемуары – не “первый взгляд” хроникера, пишущего по “свежим следам”, а “взгляд второй” – пристальный, изучающий, вооруженный знанием, обнаруживающий “бездонную мглу загадок и необыкновенностей”» (Холмогоров, 1995, с. 49).

Рассматриваемые историко-философские произведения можно отнести к единому циклу – харизматический лидер и власть, – приобретаемому глубочайший глобально-исторический и философский смысл. Повествования о Распутине анализируемых авторов вполне можно назвать былью, так как цитирование, художественная обработка свидетельствует о правдивости описания Распутина, к тому же, как известно, сама загадочная личность не нуждалась в вымысле, настолько его судьба была исключительна, непостижима.

Наиболее подробно на внешности Г. Распутина останавливается бывший монах Илиодор (в миру Сергей Михайлович Труфанов), который в книге-разоблачении «Святой черт» дает подробную характеристику таинственной и темной личности «блаженного пророка». Свое первое впечатление от «неприятно скаблывшегося мужика» (почесывающегося, арх.) С. Труфанов номинирует отдельными портретными деталями (Житие блудного старца..., 1991, с. 5). Особое внимание Илиодор обращает на «круглые, неприятно серые глаза» Распутина, «толстые губы», как «две ветки щетки» торчащие усы и «лукавую, заискивающую, неестественную улыбку» (Житие блудного старца..., 1991, с. 6).

Марку Тулию Цицерону приписывают фразу «Imago animi vultus est» (дословно: лицо есть зеркало души), со временем превратившуюся в «Vultus est index animi» (глаза – это зеркало души). Эту душу Илиодор определяет, используя эпитет-наречие **неприятно**, который является мотивированным качественным прилагательным и придает тексту экспрессивный оттенок.

Эпитеты «лукавая неестественная» и причастный эпитет «заискивающая» (улыбка) указывают на состояние «блаженного пророка» и способствуют созданию его психологической характеристики. В Толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слово «лукавый» определяется «как коварный, хитрый человек или поступок» (1998, с. 334). Слово «заискивать» трактуется в значении «лестью, угодничеством добиваться чьего-н. расположения» (Ожегов, Шведова, 1998, с. 206).

С. Труфанов описывает отталкивающее обличье «блаженного пророка»: «...волосы на голове “старца” были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у “старца” были корявы и нечисты; под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи» (Житие блудного старца..., 1991, с. 6). Это описание эксплицитно несет авторскую оценочность и модальность благодаря использованию слов с ярко выраженной негативной коннотацией: корявы, нечисты (руки), под... ногтями... много грязи... Возникает ассоциация с такой же душой.

Князь Юсупов, высокообразованный и интеллигентный дворянин России конца XIX – начала XX в., в своих воспоминаниях о внешности деревенского знахаря также акцентирует внимание на его малых и бесцветных глазах, остром, тяжелом и пронизательном взгляде, используя сравнение: «Чувство, что будто иглы пронизывают вас насквозь... Оно (лицо. – И. Г., Ж. Р.) напоминало лицо сатира: лукавое и похотливое» (Житие блудного старца..., 1991, с. 423). Термин «сатир» в первом значении в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой объясняется как «нижнее существо в греческой мифологии... развратный спутник бога вина и веселья. Во втором перен. значении развратный и лукавый человек (устар.)» (1998, с. 334).

Используемые авторами воспоминаний сравнения демонстрируют отрицательное отношение к этому персонажу. У Распутина «не было никакого признака высокой одухотворенности...», «да и во всем его существе было что-то невыразимо гадкое, скрытое под маской лицемерия и фальшивой святости» (Житие блудного старца..., 1991, с. 424).

В своих воспоминаниях С. Труфанов (Илиодор), П. Ковалевский и князь Юсупов обращают внимание на природу «прозорливой» натуры старца и его наивысший предел успешности в самых низших народных

и высших аристократических кругах – это особая магнетическая, гипнотическая сила воздействия на души людей, которую сам Распутин называл «электричеством» (психологическая характеристика Распутина).

Ф. Ф. Юсупов писал о Распутине: «Хитрый, в высшей степени примитивный, он, несомненно, обладал колоссальной силой гипноза» (Житие блудного старца..., 1991, с. 437). Рационально доказать наличие существования подобных феноменов сложно, но Распутин, безусловно, обладал какой-то иррациональной силой – искусством внушать и очаровывать других, притягивать к себе внимание и удерживать его. Своим пронизывающим взглядом и своей волей он воздействовал на человека до такой степени, что освободиться от этого было невозможно.

Эти характерологические детали являются средствами индивидуализации персонажа, психологическим знаком. По нашему мнению, анализируемый литературный портрет Распутина представляется динамическим: мы видим его путь от сибиряка-чалдона, вора, конокрада, затем сборщика пожертвований для построения храма, странника по святым местам, молитвенника, потом уже опытного в духовной жизни человека, общающегося с местным духовенством и, наконец, советника для царственной четы, «Христом», «отцом и спасителем» (так, по свидетельству Труфанова, называл его Николай II) (Житие блудного старца..., 1991, с. 62).

На самом деле поиски Бога в жизни «блудного старца» привели его, как считает И. Ковыль-Бобыль, к разочарованию в духовной жизни, которая, действительно, в то время отличалась оскудением, и к выводу: «Мало правды на свете, мало людей правильной жизни. А если кто и живет правильно, по-Божьему, так это старцы, юродивые... Да и то, если правду сказать,... все они дураки круглые и никому от их святой жизни никакой пользы нету... Которые поумнее, в столицу идут и дела разные свои обделывают...» (Житие блудного старца..., 1991, с. 208).

К этим «разным делам» относится желание Распутина обладать властью над царицей Александрой Федоровной и царем Николаем II. С целью обладания властью над царскими особами «святой черт» прибегает ко всем своим изощренным методам: лицемерие и заискивание, изворотливость и хитрость, наглость и бесстыдство. Имея исключительную наблюдательность, хорошую память и гипнотическую силу воздействия, Распутин, по мнению Юсупова, сам поверил в свою особую миссию помогать государю царствовать: «...Он – Божий человек. Ну какой же Он государь? Ему бы только с детьми играть, да с цветочками, да огородом заниматься, а не царством править... Трудновато Ему, вот и помогаем с Божьим благословением» (Житие блудного старца..., 1991, с. 452). «Царица уж больно мудрая правительница... Я с ней все могу делать, до всего дойду...» (Житие блудного старца..., 1991, с. 452). Рассуждая об окончании войны, он, как пишет Юсупов, делает вывод: «...Когда с этим делом покончим, на радостях и объявим Александру с малолетним сыном, а Самого-то на отдых в Ливадию отправим... Около цветочков, к Богу ближе будет...» (Житие блудного старца..., 1991, с. 464).

Подчеркнем, что власть над ведомыми имеет для личности, наделенной харизмой, особое значение. Большинство очевидцев деяний «народного мистика», в том числе И. Ковыль-Бобыль и князь Юсупов, считают, что Распутин – «беспринципный, циничный, жадный до денег “шарлатан”, одержимый каким-то внутренним беснованием, которому он подчиняется без всякого участия мысли, а по какому-то наитию» – всегда мечтал о власти (Житие блудного старца..., 1991, с. 456).

Желание Распутина видеть на троне Российской империи царицу Александру Федоровну с сыном Алексеем, волей которой он отлично манипулировал, а она верила в его святость и непорочность, подчеркивают амбициозные стремления «друга семьи» к власти. В речах Распутина царская чета усматривала «волю божью» (и «голос народа»), а именно такого восприятия Распутин добивался в первую очередь от царицы, используя силу своего внушения.

«Блаженный пророк», будучи хорошим психологом, понимал, что императрица верна семейным ценностям, поэтому участь, которую готовил «святой старец» для царя Николая II – отдых в Ливадии, – возможно, говорит о его милосердии к правителю, желании сохранить жизнь «Божьему человеку». Важно отметить, что при всех негативных отзывах очевидцев о личности и деяниях Распутина, его блуде, коварстве, стремлении к наживе и множестве грехов, он не был отлучен от церкви, в отличие от классика мировой литературы Л. Н. Толстого, который посягнул на самое святое в христианстве – отрицание Святой Троицы. Вероятно, опыт духовной жизни, полученный артистичным шарлатаном Распутиным в процессе поиска Бога, несмотря на его разочарования в церковнослужителях, но не в религии, частично имел свои позитивные результаты, и милосердие как форма гуманности не было чуждо уродливой сущности «святого старца».

Важно отметить, что краткий анализ отдельных текстов из воспоминаний Илиодора, Юсупова и Ковыль-Бобыля о Распутине дает авторам статьи основание утверждать, что перед нами – социально-психологический портрет харизматической личности с заложенной природной внутренней силой, обеспечивающей способность влиять на других людей как в силу своих личностных качеств, особенностей внешности, так и, безусловно, мощной волей над собой и волей к власти над другими.

Потребность во власти – естественное состояние человека, связанное со стремлением удовлетворить имеющиеся потребности. Как известно, еще Ф. Ницше обозначил «волю к власти» как природную потребность. Современные исследователи соотносят стремление к власти с базовыми потребностями человека, с его желаниями получить свободу и независимость. Однако получить свободу можно двумя путями: отказавшись от существующих благ или овладев контролем над ними. Следовательно, власть можно рассматривать как источник собственного благополучия или как стремление к достижению удовольствия от ощущения власти.

«Воля к власти» над собой как осмысленное волевое напряжение и сознательное усилие была присуща Распутину как сила, которая, как считает Труфанов, «дала ему возможность круто повернуть от разгульной

жизни к подвигам поста и молитвы» (Житие блудного старца..., 1991, с. 128). Юсупов уверен, что: «Тренируя себя подвигами внешнего благочестия, он (Распутин. – И. Г., Ж. Р.) еще больше развивал в себе волевые способности. Окружающим он мог казаться чуть ли не “святым”, в то самое время как в его душе царил неприглядный, чисто дьявольский мрак» (Житие блудного старца..., 1991, с. 412). Как оказалось впоследствии, этот процесс самоутверждения и восхождения по иерархической лестнице стал началом формирования Распутина как определенного типа властвующего человека, добившегося власти – источника благополучия, но при этом, как пишет П. Ковалевский, разрушителя «самодержавно-бюрократического режима» (Житие блудного старца..., 1991, с. 289). Целью «блаженного пророка» было стремление завоевать власть и добиться авторитета в среде наивысших кругов российского общества – высших слоях аристократической элиты Санкт – Петербурга. Следует признать, что он добился поставленных целей.

«К бесконечно ценным свидетельствам... о пройденном пути, о прожитом и пережитом...» можно отнести и воспоминания К. Г. Паустовского о Распутине (рассказ «Сырой февраль»), в которых писатель не только дает оценку времени «острого, чреватого неожиданностями...», но и создает портретную галерею представителей эпохи, в число которых входит и «неграмотный пройдоха, конокрад и кулак...» (1982, с. 493). Автор упоминаемой автобиографической трилогии в данном тексте использует слова (приложения) с образной характеристикой, несущие идейную нагрузку и служащие средством выражения эмоциональной оценки (экспрессивная оценка отрицательная).

Этой же цели служит и прием художественной градации, позволяющей раскрыть уродливую сущность Г. Распутина и усилить эмоциональный накал предложений. К. Г. Паустовский подчеркивает, что в русской истории не было такого случая, чтобы неграмотный мужик, приехавший «под лавкой в заплеванном вагоне третьего класса в Петербург в поисках наживы... стал почти **самодержцем страны, вершителем ее судеб, правой рукой государя** (выделено авторами статьи. – И. Г., Ж. Р.) и владельцем гарема придворных красавиц...» (1982, с. 495).

Характеризуя «императорский, родовитый и министерский Петербург» предреволюционного периода (с мая 1904 по декабрь 1916 года), который «как побитый пес, ждал, когда он (Распутин. – И. Г., Ж. Р.) бросит ему со своей тарелки обглоданную кость» (Паустовский, 1982, с. 495), писатель использует сравнительный оборот с союзом «как» (для идиостиля Паустовского было характерно использование сравнительных оборотов).

Осмелимся предположить, что в диапазоне художественных средств, используемых автором для описания «растревоженной жизни» России этого времени, также присутствует и символический подтекст: «Над всей этой растревоженной жизнью стояла тень Распутина» (Паустовский, 1982, с. 494). В Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля слово «тень» трактуется как «предмет, который омрачает: тень ж., отсутствие прямого, лучистого света, особ. солнечного, перенятого каким-либо предметом, который застывает, застит, омрачает» (2006, с. 389).

Есть основание считать, что лексема «тень Распутина» выявляет позицию Паустовского (как известно, наличие социального момента – главная черта его произведений, являющихся творческим откликом на важнейшие события эпохи): «вершитель судеб» страны Распутин, пользуясь сложившейся обстановкой, слабостью царской власти, способствовал «падению и позору...» государства.

К такому же выводу приходит князь Юсупов, который в своих воспоминаниях обращает внимание на нравственные последствия деятельности Распутина для России и сравнивает его «миссию» с действиями большевиков: «В личности Распутина, во всей его “карьере”, был заложен надвигавшийся большевизм, с его невежеством, алчностью, цинизмом и развратом, с темной похотью власти, не знающей никакой ответственности перед Богом и людьми...»

Распутин обманул Государя и Императрицу, доверившихся ему.

Большевики обманули весь русский народ, который слепо пошел за ними в каком-то диком опьянении чисто хлыстовским экстазом революции.

Распутин был бессознательно как бы первым “комиссаром” большевизма, приблизившимся к престолу, чтобы растоптать его мощь, угасить его величие. За ним двинулись остальные...» (2007, кн. 1, с. 28).

«Распутинство и большевизм – два явления, которые как будто не имеют между собой никакой внутренней связи. В действительности же эта связь огромна...» (Юсупов, 2007, кн. 1, с. 27).

Истинным «комиссаром» большевизма и ярким примером государственного деятеля и харизматического типа личности начала XX в. в России является идеолог и лидер социал-демократической рабочей партии большевиков Владимир Ульянов-Ленин.

Авторы статьи делают попытку реконструировать социально-психологический портрет Ленина и обосновать наличие у него харизмы на основе анализа отдельных фрагментов художественно-документальных рассказов К. Паустовского в книге «Повесть о жизни».

Следует отметить, что писатель лично видел и слышал «вождя мировой революции», но целостного описания (внешнего и внутреннего) портретного образа Ленина Паустовский читателю не предлагает. Одним из средств характеристики фигуры Ильича у прозаика является портрет, включающий, по нашему мнению, портретные вкрапления как отдельные характеризующие детали харизматического типа личности.

Таковыми деталями являются описания «нависшего лба и по временам насмешливого блеска скошенных на оратора глаз», быстрой походки в окружении солдат, а во время его болезни – бледности и худобы, «прерывистого дыхания», тихого и медленного прижимания руки к марлевой повязке на большом горле, долгого взгляда на зал перед трибуной, за которую он крепко держится (Паустовский, 1982, с. 572).

Портретные детали, штрихи, рассеянные по дискурсу, создают динамическую картину изменяющегося внешнего и внутреннего состояния персонажа. Однако для портрета Ленина в автобиографической трилогии Паустовского, как нам представляется, более интересны и важны внутренние (рациональные, сенсуальные) признаки личности. Писатель предпочитает описание фонационных кинем, в частности, тембра, интонации, высоты и понижения тона, громкости голоса, логических ударений и пауз.

В рассказе «Мятеж» К. Паустовский вспоминает выступление Ленина на съезде Советов: «Из всех ораторов я хорошо запомнил только Ленина. И не столько запомнил содержание его речи, сколько его движения и самую манеру говорить» (1982, с. 572).

Вождь «говорил, а не “выступал”, очень легко, будто разговаривал не с огромной аудиторией, а с кем-нибудь из своих друзей. Говорил он без пафоса, без нажима, с простыми житейскими интонациями и слегка грассируя, что придавало его речи оттенок задушевности... В нем не было ни тугой монументальности, ни сознания собственного величия, ни напыщенности, ни желания изрекать священные истины» (Паустовский, 1982, с. 573).

Однако К. Г. Паустовский отмечает, что в какие-то моменты своего выступления политический лидер бросает фразы «металлическим голосом», не зная никаких сомнений, хотя речь идет о философских идеях, не подтвержденных практикой жизни (возможно, подразумеваются диктаторские замашки вождя). Вероятно, «металлический голос» Ленина, в котором ощущается сила и жесткость, – это подсознательная установка вождя повлиять на массы, не допустить желания слушающих перечить ему: чем громче голос, тем убедительнее доводы.

Романтизируя черты эпохи, упоминая дух «светлого волнения», а также «ощущение небывалого времени», автор «Повести жизни» создает живое и подвижное ее изображение, окрашенное глубоким лиризмом (Паустовский, 1982, с. 561).

К. Паустовскому как писателю, филологу, философу интересна ленинская манера говорить и используемые им лексические средства. Особое место среди них принадлежит глаголам: объяснял, говорил «надо верить, надо обрабатывать землю». Обращает на себя внимание повторение писателем Паустовским глагола «бросал», который имеет стилистическую окраску разговорного: так, в толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой лексема «бросаться» в переносном значении трактуется как «небрежно относиться к кому-чему-н., не дорожить кем-чем-н. (разг.)» (1998, с. 60).

Представляется, что глагол «объяснять», имеющий значение «растолковывать кому-н. или осмыслить для самого себя, сделать ясным, понятным» (Ожегов, Шведова, 1998, с. 441), в понимании слушающих солдат трактуется как обещать (мир, землю).

По С. И. Ожегову и Н. Ю. Шведовой, глагол «обещать» во втором значении – это «внушать надежду на что-н.» (1998, с. 427). «Сам Председатель Народных Комиссаров обещается насчет мира и земли. Слыхал?» (Паустовский, 1982, с. 559).

Важно отметить, что автор «Повести о жизни» для отображения текучести социально-исторического времени применяет в тексте глаголы прошедшего и настоящего времени. Глаголы прошедшего времени используются Паустовским в повествованиях о событиях прошлого, причем употребление глаголов несовершенного вида создает впечатление длительного, неокончившегося действия обычно в описаниях, которые мы видим у прозаика: «говорил», «объяснял». Употребляет Паустовский и глагол настоящего времени «говорит», обозначающий действие, протекающее постоянно или с перерывами, но длительно.

Предполагаем, что Ленин использует (и это отмечает Паустовский) диалогическую (разговорную) форму с ее особой интонацией и с сопутствующими неязыковыми факторами: жестами, мимикой, позами. Ильич заразительно смеется: использует вместо полных предложений реплики, интонация житейская, задушевная, засовывает руки то в карманы брюк, то за вырезы черного жилета, движения простые и естественные, даже писал, сидя у самого края стола, низко наклонившись. Все это создавало дружескую атмосферу с толпой («бурлящей»).

Способности вождя делать паузы в речи, объяснять и внушать проявляются и реализуются Лениным в процессе его харизматического влияния на массы и сигнализации транслируемых им ценностей, которые одобряются и принимаются последователями. Умеренная пауза в речи оратора может создать ожидание и усилить внимание аудитории, что говорит о знании вождем законов риторики. Ленин таким образом продемонстрировал уверенность в себе и гарантированную реакцию малообразованной «массы-толпы» – принятие озвученной идеи и бурные аплодисменты.

Паустовский акцентирует внимание на мимолетные личные впечатления солдат и рабочих, видевших Ленина на сцене, и передает их ощущения и чувства от выступлений вождя перед массовой аудиторией.

Исследователь современного состояния и перспектив развития харизмы с позиций аксиологии и психологии Е. Б. Петрушихина подчеркивает «безусловную ценность харизмы, ее значимость в реализации эмоционального воздействия лидера на последователей» (2024, с. 11–12) и использования им для этого эмоционально нагруженных средств коммуникации. По сути, автор исследования разделяет точку зрения Д. Антонакиса, который в труде «Харизма: неопределенный дар» утверждает, что реализация влияния харизмы будет наблюдаться тогда, когда транслируемые ценности одобряются и принимаются последователями (Antonakis, Bastardos, Jacquart et al., 2016, p. 293–319).

Именно отклик масс на транслируемые Лениным ценности, к которым вождь относит мир, землю и хлеб, доказывают силу влияния и доверия вождю. Слово «хлеб», звучавшее у других ораторов как отвлеченное, чисто экономическое и статистическое понятие, приобретало у него, благодаря неуловимым интонациям, образность, становилось черным ржаным хлебом, тем хлебом насущным, по которому истосковалась в то время страна. Солдаты мечтали вернуться в родные дома, в деревни, где их дожидается родная земля и «трепать стриженные головы своих ребят». «Руки по земле млеют. И от семейства я начисто отбился» (Паустовский, 1982, с. 558).

Адресатом речи вождя являются обездоленные, малограмотные и простодушные люди – солдаты, бывшие крестьяне, которым фраза «Заря всемирной социалистической революции уже занялась», естественно, совершенно не была понятна (Паустовский, 1982, с. 517). Малограмотная «толпа» знала обыденное значение слова «заря» только как чего-то светлого и радостного, но истинный смысл призыва Ленина к революции вряд ли простому солдату был понятен.

Позволим предположить, что для Ленина это было не важно, он утверждает, что надо не «митинговать и шуметь по Москве, дожидаясь неизвестно чего, а поскорее обрабатывать свою землю (без объяснения механизма ее получения) и верить», но не Богу, а «правительству и партии» (невольно возникает сравнение с христианской религией, с проповедями в церкви).

Ленин акцентирует внимание на слове «верить» (без аргументации почему), на обещании мира и земли, что и привлекает внимание толпы солдат и крестьян. Способы механизма достижения этого не приводятся «вождем мирового пролетариата». Внушение в данном случае носит вербальный характер и усиливает экспрессивный момент восприятия информации через слово.

Уточним, что в широком рациональном смысле слова лексема «верить» в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой имеет «в первом значении – быть убежденным, уверенным в ком-чем-н. Во втором значении – принимать за истину что-н. В третьем значении – вполне доверять» (1998, с. 74). Религиозную веру образует вера в Абсолют (Бога) и его закон. Вера в правительство и партию – это уже политическая вера, которая образует чувство реальности: веру в политического лидера, политическую силу или партию.

Г. Зиммель подчеркивал: «При рассмотрении веры чувство реальности часто соотносится с чувством зависимости» (1909, с. 20). Это значит, что вера является переживанием единства со своим предметом, как его восприятие. Иначе говоря, вера является восприятием и как чувство реальности всегда подтверждает себя в доверии.

В «Иллюстрированном энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1893 года издания (т. 10) «доверие (англ. trust) – психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным» (2014, с. 842-843).

Следовательно, доверие к словам Ленина со стороны простых солдат определяется его авторитетом, статусом, имиджем, доброжелательностью и чувством справедливости. Малограмотные и простодушные люди – солдаты воспринимают Ильича как учителя, просветителя и наставника, провидца всех будущих побед. Веберовский харизматический лидер также «строит свою аргументацию по отношению к группам с “низкой рационализацией мышления”, для чего прибегает к выдвигению близких массам целей для завоевания доверия. Суть лидера заключается в том, что он способен уловить назревшие потребности масс, увязать с ситуацией, со своими и групповыми интересами» (Кибардина, 2008, с. 36).

Исследователь творчества К. Паустовского М. В. Михайлова обращает внимание на удачные приемы, используемые писателем для передачи таланта Ленина как оратора: «...не может не броситься в глаза сдержанность, с которой написан эпизод выступления Ленина перед массовой аудиторией» (2005, с. 16), солдатами-фронтовиками, застрявшими в Москве после Брестского мира (рассказ «Зал с фонтаном»).

Писатель отмечает «неторопливость речи Ильича и ее простоту, умение Ленина говорить о самом важном. Паустовский передает содержание выступления, упоминая при этом, что он «плохо слышал», что до него «долетали только отдельные слова» (1982, с. 559). Автор повести «Черное море» воспроизводит реакцию толпы, рисуя перемену эмоций, когда солдаты по-особенному задышали и у них послышались «совсем не мужские, а больше похожие на бабы протяжные вздохи» (Паустовский, 1982, с. 559).

Таким образом, Паустовский в рассказах «Мятеж», «Водоворот», «Зал с фонтаном» через отдельные портретные детали и штрихи в восприятии личности Ленина воссоздает один из самых сложных литературных портретов – портрет-впечатление. «Портретные штрихи рассредоточиваются по всему тексту, читатель не успевает воспринимать их как статичные элементы, они “вживляются” в повествование и создают динамическую картину изменяющегося внутреннего и внешнего состояния персонажа» (Литвин, 2007, с. 59). Сложность данной разновидности портрета заключается в том, что на основе нужного эмоционального впечатления от внешности героя, его манеры общения и поведения, читатель вполне может сделать заключение о характере и типе личности персонажа, образ которого реконструирован писателем.

В мозаичном портрете Ленина Паустовский не говорит о наличии харизмы как природного или божественного дара у Ильича. Прозаик обращает внимание на уникальные качества «вождя»: цепкий ум, организаторские способности руководителя и красноречивого оратора, уверенность в себе, способность слушать, убеждать и вызывать доверие масс. Основываясь на фрагментах выступлений политика и воспоминаниях его современников, в том числе впечатлений Паустовского, можно утверждать, что, безусловно, Ленин был великолепным оратором и, увлеченный своей идеей, он заражал ей массы и «вёл» их за собой.

Подчеркнем, что с точки зрения сторонников лидеро-центричного подхода в объяснении феномена харизмы Катерины Клейн и Роберта Хауса к стабильным и поведенческим характеристикам харизматической личности относятся «просоциальная напористость, уверенность в себе, потребность в социальном влиянии, моральная убежденность и забота о нравственном осуществлении власти» (Klein, House, 1995, p. 184). К дополнительным характеристикам авторы концепции относят такие способности и качества личности, как компетентность и высокий энергетический потенциал. Как полагает большинство исследователей жизни и деятельности «вождя мирового пролетариата», Владимир Ульянов-Ленин был наделен всеми указанными качествами.



Согласимся с точкой зрения А. Ф. Измайлова, который утверждает, что «реальный исторический человек всегда интересовал и будет интересовать читателей, ибо прошлое не может в нас умереть... литературный портрет служит одним из главных способов раскрытия сущности человека» (2022, с. 202).

## Заключение

Таким образом, рассмотрев мемуары и художественно-документальные произведения русской литературы начала XX в., можно сделать следующие выводы. В субъективных воспоминаниях и мемуарах бывшего иеромонаха Илиодора (С. Труфанов), князя Ф. Ф. Юсупова, мемуариста П. Ковалевского, публициста И. Ковыль-Бобыля и писателя в жанре документальной прозы К. Паустовского воспроизводится динамический литературный портрет Г. Распутина как своеобразного типа народного царедворца, эволюционирующего от вора и конокрада до советника царствующих особ, считавшего себя Блаженным пророком и мессией для России, испытывающей в начале XX в. сложные и глубокие социальные катаклизмы.

Для характеристики деталей «внешнего» и «внутреннего» социально-психологического портрета «великого старца» прозаики используют разнообразные художественно-образные языковые средства: эпитеты, сравнения, слова-приложения, прием художественной градации (Паустовский), которые дают основание авторам статьи утверждать, что перед нами социально-психологический портрет харизматической личности с мощной природно-социальной внутренней гипнотической силой внушения и влияния, огромной волей над собой и волей к власти над другими.

В «Повести о жизни» К. Паустовского, рассказах «Сырой февраль», «Мятеж», «Водоворот», «Зал с фонтаном» писатель-импрессионист реконструирует образы Г. Распутина и Ленина, используя для этого такие лексические художественные средства, как слова-приложения, глаголы настоящего, прошедшего и будущего времени, символический подтекст, сравнительный оборот.

К. Паустовский не создает полный портрет Г. Распутина (он его никогда не видел и не встречался лично). Писатель высказывает только свое эмоционально-оценочное суждение по поводу уродливой сущности «святого старца», в отличие от Ленина, которого прозаик видел несколько раз и воспроизвел его мозаичный портрет-впечатление в рассказах «Мятеж», «Водоворот», «Зал с фонтаном».

В процессе воссоздания литературного портрета «вождя мировой революции» Паустовский обращает внимание на неязыковые факторы в речи Ленина: интонация, пауза, мимика, жесты, их роль в общении и активное использование для усиления влияния на массы.

Важно отметить, что в галерее литературных портретов исторических деятелей начала XX в. Г. Распутин и В. Ульянов-Ленин являются самыми колоритными харизматическими личностями, жизнь и судьба которых в чем-то похожи.

Они имели разное социальное происхождение: Ленин – с аристократическими корнями, Распутин – выходец из народа, но оба обладали мощной «волей к власти» и харизмой, которую успешно использовали как «инструмент» влияния на других. «Воля к власти» позволила Ленину сплотить большевиков и овладеть сознанием народных масс, «воля к власти» у Г. Распутина проявилась в нем как воля над волей царствующих особ Российской империи.

Они оба пытались решить судьбу самодержавной России, их жизнь оборвалась от пули соотечественников, «осчастливить» которых они пытались разными путями: согласно сектантской религии, Григорий Распутин, и, согласно другой «религии», коммунизма и атеизма, Владимир Ленин.

Они оба были подготовлены и сохранены для вечности: и тот, и другой забальзамированы, но Распутин сожжен русскими солдатами, вытащившими его из склепа, а судьбу мавзолея Ленина сегодня пытаются решить и обычные граждане, и политики.

Их склепы охраняли (а мавзолей Ленина охраняют до сих пор) солдаты, в отличие от истинных «духовных» памятников тем, кто праведно служил своему народу: А. Невский, С. Радонежский, С. Саровский, Ф. Ушаков, П. Нахимов, А. Пушкин, Л. Толстой и многие другие духовно-нравственные выдающиеся личности России.

Страшными остались для потомков их последние снимки, запечатлевшие, как кажется, ту сумятицу мыслей и несогласие с окружающим миром, а возможно, с собственной душой, с самим собой. Обоих объединяет то, что поддерживали их группы единомышленников, а память о них понемногу растворилась в истории так же, как и их деяния (возможно, это и громко сказано). Их последователи, как сейчас говорят, – это зомбированные, загипнотизированные люди, принимавшие этих деятелей за Мессию, слепо верившие в идеи и построение гармоничного светлого «Царства истины и справедливости». Оба пророка похожи тем, что от их **проповедей и деятельности** пострадала Россия, ее люди, чью жизнь они разрушали, пытаясь созидать новый лучший мир.

С точки зрения авторов статьи, Г. Распутин и Ленин, безусловно, были связаны с крупнейшими историческими событиями в России и стали теми харизматическими роковыми личностями-разрушителями, которые способствовали краху Российской империи и коренным образом изменили судьбу великого имперского государства. Как полагают авторы изученных нами мемуаров и воспоминаний о «святом старце» Григории Распутине и лидере большевиков Ульянове-Ленине, слишком уж непостижимыми они были для простых смертных.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении литературной «галереи» портретов выдающихся деятелей XX в. в произведениях К. Паустовского с целью уточнения языковых маркеров, используемых прозаиком для воссоздания портретов ярких харизматичных личностей, современников своей эпохи и оценки их деятельности с позиций нравственности.

**Источники | References**

1. Измайлов А. К. Г. Паустовский – мастер литературного портрета: «портретирование» эпохи как раскрытие сущности человека» // Нева. 2022. № 5.
2. Кибардина Л. М. Анализ харизматического лидерства в социологии Макса Вебера // Омский научный вестник. 2008. № 2 (66).
3. Кунавин О. Б., Кунавина И. И. Проблема портрета в художественной литературе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26).
4. Литвин И. Н. Портретные описания в рассказах К. Паустовского // Наследие К. Г. Паустовского и современность: экология, культура, нравственность: материалы международной научно-практической конференции (г. Рязань, 29-31 мая 2007 г.). Рязань: ИП Жуков В. Ю., 2007.
5. Михайлова М. В. Воспоминания К. Г. Паустовского о начале XX века // Мир Паустовского. 2005. № 23.
6. Петрушихина Е. Б. Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2.
7. Романова Н. П. Концепция харизматического лидерства // Социология. Вестник Читинского государственного университета. 2011. № 9 (76).
8. Трофимова А. В. Модели восприятия личности героя в социокультурном пространстве и проблема харизмы // Альманах современной науки и образования. 2008. № 4-2 (11).
9. Холмогоров М. Он между нами жил... // Вопросы литературы. 1995. № 5.
10. Antonakis J., Bastardos N., Jacquart P., Shamir B. Charisma: An ill-defined and ill-measured gift // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2016. Vol. 3. No. 1.
11. Klein K. J., House R. J. On fire: Charismatic leadership and levels of analysis // Leadership Quarterly. 1995. No. 6 (2).

**Информация об авторах | Author information****RU**Галяс Ирина Анатольевна<sup>1</sup>, к. филос. н., доц.Руденко Жанетта Анатольевна<sup>2</sup><sup>1,2</sup> Севастопольский государственный университет**EN**Irina Anatolyevna Galyas<sup>1</sup>, PhDZhanetta Anatolyevna Rudenko<sup>2</sup><sup>1,2</sup> Sevastopol State University<sup>1</sup> Korol\_Irina9@mail.ru, <sup>2</sup> riv1953@ya.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 12.01.2025; опубликовано online (published online): 20.02.2025.

**Ключевые слова (keywords):** литературный портрет; художественные средства; харизматический тип личности; Григорий Распутин; Владимир Ленин; literary portrait; artistic means; charismatic personality type; Grigory Rasputin; Vladimir Lenin.